

«Мой жизненный закат прекрасен»

В Западной Сибири, наверное, нет города, в котором бы не было улицы Губкина. Академик никогда здесь не жил, не работал в экспедициях, но без него не появились бы эти города. Именно Иван Губкин первым предсказал нефть в нашем крае. Он ушел из жизни 80 лет назад, 21 апреля 1939 года.

Ольга МАСЛОВА, Москва

Научные открытия Губкина столь же масштабны, как и личность самого ученого

Что хранят архивы

Сколько бы лет и десятилетий ни прошло, главные нефтяные и газовые открытия всегда будут связаны с Иваном Михайловичем Губкиным, основателем нефтяной геологии в нашей стране. История геологического поиска, открытий и освоения богатств Сибири без губкинских предвидения, наверное, была бы иной. Неслучайно в Музее геологии, нефти и газа в Ханты-Мансийске хранятся документальные свидетельства вклада ученого в освоение западносибирских недр.

Научные открытия Губкина столь же масштабны, как и личность самого ученого, крестьянского парня из Владимирской губернии, пришедшего в геологию в 40 лет и сумевшего стать в ней ученым номер один.

О Губкине изданы книги и десятки статей. Но мало кто знает, что ученый написал автобиографию, вероятно, чтобы будущие биографы не исказили в своих вольных трактовках линию судьбы. Автобиография, написанная ярким, сочным, литературно безупречным языком, хранится в архиве Российской академии наук. Там же удалось обнаружить неизвестные ранее письма к Варваре Боярской, брак с которой не был зарегистрирован, но жизнь без которой теряла для него всякий смысл. «Всей душой рвусь к тебе», — писал он из каждой экспедиции, в которых проводил месяцы и годы жизни.

Через архивные документы, размытые чернилами строчки проступает судьба человека,

одержимого научным поиском и уязвимого своей любовной привязанностью к юной Вареньке и чувством долга перед близкими. Он страстно жил — с той степенью накала, что свойственна людям, одаренным свыше.

В конце жизни он скажет: «Мой жизненный закат прекрасен».

«Да минует чаша сия...»

Из автобиографии И. М. Губкина:

24

года Губкин был зачислен слушателем Петербургского

учительского института

«...Родился я 9 сентября (по старому стилю) 1871 года в селе Поздняково бывшего Муромского уезда Владимирской губернии, в семье бедного крестьянина.

Отец мой всю жизнь занимался отхожим промыслом.

Земли у нас было мало.

Одним крестьянством прокормиться было нельзя, поэтому отец ходил на Волгу, в Астрахань, и там работал на рыбных промыслах. Он пользовался большим уважением среди рабочих и одно время был у них артельщиком. Он без записи помнил, когда и где он брал в долг деньги, кому и когда выдавал ту или иную денежную сумму. Уходил он из дома обыкновенно в начале марта, а возвращался около половины ноября.

Вся тяжесть крестьянской работы — пахота, косьба, жнитво — лежала на женской половине семьи. Родители Губкина грамотой не владели. В семье было пятеро детей — две сестры и три брата. «Верховное управление» в семье сосредотачивалось в руках бабушки по отцу — Федосьи Никифоровны. Это была умная и твердая женщина.

«В моей судьбе бабушка Федосья Никифоровна сыграла решающую роль. Тем, что я, как говорится, вышел в люди, я прежде всего обязан ей, а потом уже моему отцу. Она, эта неграмотная женщина, когда мне исполнилось девять лет, настояла, чтобы меня отдали в сельскую школу. Это было в сентябре 1880 года», — написал Губкин в автобиографии.

Школа среди крестьян не пользовалась еще полным признанием, да и Иван боялся ее, как чего-то неизвестного. «Был я в ту пору религиозным мальчишкой и, помню, горячо молился всем святым: «Да минует меня чаша сия». Почему я боялся школы — не знаю».

Но «чаша» не миновала. Вскоре обнаружилось, что Иван выделялся среди своих товарищей-школьников некоторыми повышенными способностями.

Позже мальчик был зачислен воспитанником Киржачской учительской семинарии.

«Директор нашего «монастыря» был настоящим реакционером, установившим для нас самый жестокий и беспросветный режим», — писал будущий академик.

И все же новые слова, точно струя свежего воздуха, проникали в зловонную атмосферу семинарии. Среди наставников были люди, которые интересовались общественными и политическими вопросами, рассказывали о новых течениях в общественной мысли, новинках литературы...

«Мы проходили литературу только до Пушкина, — читаем у Губкина. — Да и Пушкин-то преподносился нам в урезанном, обкорнанном виде, а все, что было после Пушкина, вообще считалось запретным плодом. И Тургенев, и Толстой, и в особенности великий сатирик Салтыков-Щедрин, и вся остальная новая литература была для нас запрещена. Даже Достоевского нельзя было читать. Однажды директор застал меня за чтением одной из его книг. Произошел крупный

скандал, и я попал в число неблагонадежных элементов».

В 24 года Губкин был зачислен слушателем Петербургского учительского института, затем студентом Горного института.

«Мне было сорок лет, когда началась моя научная деятельность», — скажет он. «В науку я вошел хозяином», — напишет о себе в автобиографии. И это не было преувеличением.

Прогноз, который сбывся

В 1920–1930-е годы в нефтеносность Западной Сибири мало кто верил. Признанные авторитеты в геологической отрасли — академики Н. С. Шатский и М. А. Усов — отдавали предпочтение

Минусинской котловине как более перспективному району. Академикам возражал Губкин. В 1932 году Иван Михайлович высказал предположение о том, что в Западной Сибири расположена впадина, в которой накапливались благоприятные для образования нефти и газа осадки. Здесь, считал ученый, могут быть найдены промышленные запасы. Губкин сравнивал геологию Сибири с другими сходными по истории развития районами, где нефть и газ уже были найдены. После командировки в США он увидел сходство геологического строения Аппалачской впадины в Северной Америке, где уже добывали нефть, и Западной Сибири.

«Перспективы и значение разработки нефти в этих районах Западной Сибири огромны. Добыча нефти здесь может обеспечить не только потребности Урало-Кузнецкого комбината, но и всего народного хозяйства СССР», — утверждал Губкин. Ему удалось добиться развертывания в Западной Сибири полевых нефтегеологических исследований.

Летом 1934 года, как подробно уже писала наша газета, трест «Востокнефть» организовал экспедицию под руководством 24-летнего геолога Виктора Васильева, ученика Губкина, в районы рек Большой Юган и Белая. 5 декабря 1934 года в Москве под председательством академика Губкина прошла конференция геологов Западной Сибири. На ней он, Васильев и другие ученые сумели обосновать наличие нефти вдоль рек Большой Юган и Белая. Однако руководство треста «Востокнефть» смотрело на поиск нефти в Западной Сибири весьма пессимистически. Блистательный прогноз Губкина и Васильева подтвердился лишь через десятилетия.

Летом 1934 года, как подробно уже писала наша газета, трест «Востокнефть» организовал экспедицию под руководством 24-летнего геолога Виктора Васильева, ученика Губкина, в районы рек Большой Юган и Белая. 5 декабря 1934 года в Москве под председательством академика Губкина прошла конференция геологов Западной Сибири. На ней он, Васильев и другие ученые сумели обосновать наличие нефти вдоль рек Большой Юган и Белая. Однако руководство треста «Востокнефть» смотрело на поиск нефти в Западной Сибири весьма пессимистически. Блистательный прогноз Губкина и Васильева подтвердился лишь через десятилетия.

Летом 1934 года, как подробно уже писала наша газета, трест «Востокнефть» организовал экспедицию под руководством 24-летнего геолога Виктора Васильева, ученика Губкина, в районы рек Большой Юган и Белая. 5 декабря 1934 года в Москве под председательством академика Губкина прошла конференция геологов Западной Сибири. На ней он, Васильев и другие ученые сумели обосновать наличие нефти вдоль рек Большой Юган и Белая. Однако руководство треста «Востокнефть» смотрело на поиск нефти в Западной Сибири весьма пессимистически. Блистательный прогноз Губкина и Васильева подтвердился лишь через десятилетия.

Летом 1934 года, как подробно уже писала наша газета, трест «Востокнефть» организовал экспедицию под руководством 24-летнего геолога Виктора Васильева, ученика Губкина, в районы рек Большой Юган и Белая. 5 декабря 1934 года в Москве под председательством академика Губкина прошла конференция геологов Западной Сибири. На ней он, Васильев и другие ученые сумели обосновать наличие нефти вдоль рек Большой Юган и Белая. Однако руководство треста «Востокнефть» смотрело на поиск нефти в Западной Сибири весьма пессимистически. Блистательный прогноз Губкина и Васильева подтвердился лишь через десятилетия.

Поздняя любовь

Губкин жадно и вдохновенно работал: в экспедициях, в рабочем кабинете, на лекциях перед студентами. Источником научных открытий, как он не раз признавался в письмах, была его поздняя любовь. «Ведь никто ни в Старом, ни Новом Свете не дает мне тех лет, которые я имею. Считают, что мне нет еще 50 лет, и этим я обязан тебе...» — пишет он в свои 62 года. Они встретились, когда ему было 45 лет, ей — 21.

К моменту встречи с Варей Боярской Губкин был не свободен. С 1897 года Иван Михайлович был связан семейными узами с Ниной Павловной, с которой познакомился в Санкт-Петербурге. Через год них родился сын Сергей, дочка Галина появилась на свет в 1910-м. (Сергей станет видным ученым, академиком. Его жизненный путь рано оборвется, в 57 лет. Дочь Галина станет летчиком-испытателем, проживет долгую жизнь. Ни у Сергея, ни у Галины не было детей, и наследников «по прямой» этот род не оставил).

Оставив первую семью, Иван Губкин до конца жизни будет с Варенькой.

«Уверю тебя, наша любовь представляет чрезвычайный и редкий случай по своей оригинальности, по своей прочности», — напишет он ей в одном из своих писем.

Губкин умер в 1939 году, в возрасте 68 лет. Рядом с ним, как он и хотел, была его «звездочка», его Варя. Детей в этом браке не было. От любовного романа длиной в 23 года остались только нежные письма академика.

Удостоверение члена Академии наук СССР